

Стража покинула шатёр, внутри остались лишь двое. Хулэ, весь похолодев, подошёл к нему и, приподняв рукоятью ножа его подбородок, внимательно взгляделся в черты лица, мрачно произнеся:

— Правый князь Туци, у тебя поистине смелая душа.

Улэйжо угрюмо ответил:

— Хулэ, тебе лучше немедленно отпустить нас. Шаньюй Фуло знает, что я здесь.

Хулэ усмехнулся:

— Твоё присутствие здесь — лучший залог. Я доложу отцу, и Фуло обменяет земли вокруг озера Кас на твоё целое тело.

Улэйжо холодно сказал:

— Я могу остаться, но ты немедленно отпусти Уцину!

Хулэ нахмурился, с подозрением глядя на него:

— Фуло подарил тебе яньчжи Ивэйсе?

Улэйжо опустил голову, не отвечая. Хулэ продолжил:

— Я слышал, яньчжи была захвачена ханьцами. Как она оказалась с тобой? Что ты с ней сделал?

Красавец, казалось, не узнавал его, что вызывало у Хулэ недоумение. Улэйжо помолчал, а затем попросил:

— Хулэ, отпусти его. Не говори отцу.

Хулэ ещё долго допрашивал его, но Улэйжо больше не желал говорить. В конце концов Хулэ приказал запереть его. Затем он пошёл проведать Красавца. Тот, выпив лекарство, поспал, а проснувшись и не найдя рядом «мужа», снова забеспокоился и заплакал. Увидев приближающегося Хулэ, принялся ругать:

— У-у, отпусти Чагана, отпусти!

Хулэ сел у его ложа, недоумевая:

— Яньчжи, ты не помнишь меня?

Хотя он вырос и похудел, яньчжи, услышав его имя, не проявила ни малейшего признака узнавания и называла правого князя Туци Хунну «Чаганом». Красавец замахнулся, чтобы ударить его, крича:

— Кто тебя помнит, чёрная свинья смердящая! Немедленно отпусти моего мужа!

Снова назвав его чёрной свиньёй, Хулэ дёрнул глазом, отодвинулся подальше, опасаясь удара. Красавец, не дотянувшись, попытался сесть, но вдруг схватился за живот и с криком повалился на постель. Хулэ, увидев его побелевшее лицо и услышав стоны, тут же позвал лекаря.

Лекарь тревожно доложил:

— Господин, эта женщина, похоже, на сносях.

Хулэ запаниковал, совершенно не зная, что делать. Видя, как Красавец беспрестанно зовёт Чагана, он был вынужден выпустить Улэйжо, чтобы тот побыл с ним.

Улэйжо, едва взглянув на состояние Красавца, врезал Хулэ, словно взбешённый бык, и зарычал:

— Если с ним что-нибудь случится, я тебя первого прикончу!

Стража мигом обнажила клинки, но Улэйжо, сбив Хулэ с ног, бросился к Красавцу, обнял и начал утешать:

— Не бойся, не бойся, я здесь.

Красавец, заливаясь слезами, сжал руку Улэйжо и, страдая, простонал:

— Чаган, мне больно.

Улэйжо, впервые видя его слёзы, прижал его лицо к своему плечу, ладонью успокаивающе вода по животу, и сдавленно произнёс:

— Не бойся, всё будет хорошо.

Он утешал его, как самый нежный муж, уверяя, что всё наладится и ребёнок родится здоровым. Улэйжо знал, как тот дорожит этим дитя. Даже потеряв память, он инстинктивно оберегал свой живот, страшась малейшего вреда для своего чада.

Хулэ, наблюдая эту сцену, так и не приказал связать Улэйжо.

Красавец остался здесь. Его тело больше не выдерживало тягот, и он проводил дни в постели, а лекарь ежедневно готовил ему снадобья для утроба. Улэйжо тоже разрешили быть рядом. Хулэ больше не решался его трогать: стоило тому исчезнуть, как у Красавца начинал болеть живот и он принимался бранить Хулэ.

Хулэ и вправду его побаивался — боялся с детства, и тень того страха осталась. Он не желал причинять вред яньчжи, потому и не рассказал обо всём отцу.

Красавец прожил на границе Усуни больше десяти дней. Наконец-то он обрёл покой, больше не нуждаясь в ночлегах под открытым небом, и жил в тёплом, чистом шатре. Улэйжо постоянно находился рядом. Красавец, увидев, что опухоль на его лице сошла, но кожа всё ещё была вымазана чёрной вонючей краской, с отвращением сказал:

— Ты смердишь! Ты опять не мылся?

Улэйжо смутился. Некоторые усуньские всадники могли его узнать, он не смел раскрываться, потому пару дней не умывался и от него и вправду несло. Красавец решил, что его «муж» совсем не следит за собой, и без него, наверное, жил бы как свинья в хлеву. Он полностью вжил в роль жены Чагана, хлебнув лиха в пути, и уже не был столь изнеженным, как в ханском дворце. С брезгливостью он приказал:

— Принеси таз с водой!

Улэйжо послушно принёс ему воду. Красавец, сидя на кровати, взял горячее полотенце, выжатое «мужем», и молча потянулся вытереть ему лицо. Улэйжо испуганно отпрянул, отскочив подальше. Красавец, увидев грязь на его лице, расвирипел:

— Чаган, иди сюда!

Улэйжо не двигался. Красавец швырнул полотенце и закричал:

— Я с тобой больше не живу! Ты воняешь! Как только вернёмся — и сразу развод!

Эта жизнь была для него невыносима. Как он умудрился найти такого неряху-мужа? Улэйжо неожиданно почувствовал, как глаза наполняются влагой. Он сидел вдалеке и угрюмо буркнул:

— Развод так развод.

Красавец после этого весь день с ним не разговаривал.

Вечером Хулэ снова пришёл проведать его, принеся блюдо с жареной бараньей ногой. Красавец, видя, что Хулэ сидит в отдалении, ест и лишь изредка перекидывается словом с Улэйжо, с тоской смотрел на него. Улэйжо не был расположен к баранине, отрезал небольшой кусок и уже хотел передать Красавцу, как вдруг Хулэ рявкнул:

— Стой!

Хулэ, недовольный, выхватил баранину, которую Улэйжо уже почти протянул Красавцу, и, жуя, сердито проворчал:

— Ему не давать.

Когда ему было двенадцать-тринадцать, яньчжи каждый день лишал его ужина, а за воровство еды — бил. Яньчжи использовал ту самую воловьё плеть, подаренную шаньюем Ивэйсе: за один украденный кусок — один удар, за два — два. То были самые страшные дни в его жизни, отчего теперь и плеть, и сам яньчжи наводили на него ужас. Тогда он был ещё ребёнком, после побоев ему не к кому было обратиться — во дворце все стражники хранили верность шаньюю. Отец его был далеко на западе, и перед отъездом лишь наказал слушаться, со всеми при дворе знакомиться и расположение яньчжи завоёвывать. Расположение яньчжи он снискал — посредством плети. Из всех стражников яньчжи его били чаще прочих, и каждый день на теле появлялись свежие рубцы. Хорошо ещё, шкура была толста, не пробивалась. Позже яньчжи сбежал, его самого Ивэйсе избил до полусмерти, и только тогда он наконец избавился от яньчжи.

Вспоминая детство, Хулэ ощущал обиду и не дал Красавцу ни крошки баранины. Красавец, сглатывая слюну от аромата жареной ноги, с тоской поглядел на сухую лепёшку, протянутую «мужем», и раздражённо сказал:

— Только свиньи столько едят. Чаган, тебе нельзя баранину, а то станешь как свинья.

Хулэ, с аппетитом жуящий баранину, вдруг замер, объятый стыдом. Он уже не был толстым, но его всё равно обзывали свиньёй. Это слово было для него самым ненавистным на свете.

Хулэ так и взъярился, ему захотелось ударить того, но, взглянув на большой живот, удержался. Взяв блюдо с бараниной, он вышел в снег. Хотел было спрятаться и поесть в одиночестве, но ему всё чудилось, будто яньчжи следит за ним, и аппетит пропал.

После ухода Хулэ Улэйжо тайком сварил для Красавца бульон из баранины. Красавец, наслаждаясь ароматным горячим наваром, похвалил «мужа»:

— Ты в последнее время всё лучше становишься.

Улэйжо слегка тронул губы, нежно глядя на него, и сказал:

— Не торопись.

Красавец, изголодавшись, быстро управился с бульоном и попросил ещё, спросив:

— Когда мы поедим?

«Муж» объяснил ему, что Хулэ — их друг, и они погостят у него некоторое время. Улэйжо потупил взгляд. Уверенности не было. В одиночку он бы как-нибудь ушёл, но сейчас, с животистом Красавцем, который больше не вынесет тягот, он не смел рисковать.

Красавец, видя его долгое молчание, недовольно промолвил:

— Я больше не хочу здесь оставаться. Хочу поскорее домой.

Раньше он пенял Улэйжо на спешку в пути, а теперь сам рвался назад, чтобы взглянуть на ту стерву, что муж припрятал дома. Теперь он, беременный, — главная жена, и хоть мужчинам и положено иметь жён несколько, он этих лисиц обязательно повыгоняет. Такой урод, а других заводит — думает, Уцина с ним церемониться станет?

Улэйжо принялся утешать:

— Лекарь говорит, тебе дальние поездки противопоказаны. Поживём тут ещё денёк-другой.

При упоминании ребёнка Красавец встревожился, прикрыв живот:

— Ладно, поживём ещё.

<http://bllate.org/book/16253/1462115>